

АРХЕТИП САМОСТИ КАК ПРЕДПОСЫЛКА РЕАЛИЗАЦИИ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЧЕЛОВЕКА И ПРЕОДОЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО КРИЗИСА

ПАНЬКОВА

Оксана,

PANKOVA

Oksana,

кандидат соціологічних наук, доцент, науковий співробітник лабораторії моніторингу суспільно-політичних процесів ІСПГ НАПН України, м. Київ

Анотація: У статті розкривається архетипна природа життєстійкості особистості як інтегративної соціально затребуваної якості, що забезпечує особистісну й соціальну сталість в умовах посилення соціальної нестабільності. Запропоновано авторське бачення механізму актуалізації архетипу Самості в людині через взаємозв'язок із процесами соціальної та соціальної ідентичності. Визначено можливі «точки опори» людини та суспільства в ситуації радикальних кризових змін.

Ключові слова: творчий потенціал людини, людський потенціал, життєстійкість, архетип Самості, соціальна нестабільність, соціальна та соціально-ідентичність.

УДК 316.422.42

Актуальность исследования. Актуальность проблем сохранения, использования, реализации и развития потенциала человека в преодолении общественного кризиса резко возрастает в свете тех вызовов и опасностей, в пространстве которых осуществляют свою жизнедеятельность и человек, и общество. Особенно актуальна эта проблема для украинского общества. Социальный мир, приобретающий характерный для современности высокий уровень динамики изменений, требует гармонизации и сбалансированности механизмов, ее образующих. Только при таких условиях общество имеет шанс «умиротворяться» и приобретать определенный вектор, характеризующий устойчивое состояние общественного развития. Нередко утверждают, что решительная политика не может быть популярной в условиях кризиса, ведь активное меньшинство всегда сильнее молчаливого и инертного большинства. Условия кризиса, нестабильности и радикальных изменений требуют от субъектов преобразований – от личности, от граждан, от политических лидеров государства – проявления особых качеств: жизнеспособности, жизнестойкости, мудрости, мужества, дальновидности и ответственности за принятие решений. В своей совокупности эти качества являются ядром самоактуализации личности, обеспечивая ей способность адекватно реагировать на резкие изменения социальной среды для самосохранения, саморегуляции, самоконтроля и принятия оптимальных жизненных и управленческих решений.

Изучение проблем человека, человеческого потенциала индивида, сообщества и страны в периоды радикальных социальных перемен, политических, социально-экономических, социокультурных и экологических кризисов, информационных войн и глобальных опасностей является актуальной научной проблемой, требующей подробного исследования на принципах междисциплинарности и синтеза различных подходов. Поэтому современные социологи, социальные психологи, политологи, специалисты в области социального управления, экологи и экономисты проявляют повышенный интерес к изучению ресурсного потенциала субъектов преобразований – человека и общества, обеспечивающего их жизнеспособность и жизнестойкость. В этом контексте актуализируется поиск источников и механизмов сохранения и обеспечения целостности человека как личности, а общества – как самоорганизующейся системы.

Проблема. На повестку дня выносятся необходимость выяснения глубинной природы такой целостности как неисчерпаемого источника сил, творчества, самоорганизации и преобразований, как определяющего начала жизнеспособности и жизнестойкости личности и общества. По мнению автора, наиболее приемлемой матрицей для исследования обозначенной проблемы является архетипная природа Самости как внутреннего неисчерпаемого источника целостности, как символа и принципа объединенной дуальности, генерирования новых идей и воплощения в жизнь всей полноты человеческого потенциала.

Раскрытие ее сущности и является **целью данной статьи**.

С особой силой потребность в актуализации архетипических оснований Самости в человеке проявляется из-за происходящих резких общественных, социальных и институциональных изменений во всех сферах жизнедеятельности общества. Они серьезным образом перераспределяют жизненные ресурсы, шансы и возможности людей, на их основе возникают новые ситуации распределения и перераспределения ресурсов и жизненных шансов, появляются новые формы социальной активности. Все это существенно изменяет онтологию жизненного мира людей, рассогласовывает механизмы «встраивания» личностной «Я-концепции» в быстро меняющееся социальное окружение, в самоорганизующуюся систему общественных отношений.

На фоне значительного количества научных работ социально-психологической и социологической направленности выяснением сущности архетипических основ жизнестойкости и творческого потенциала личности в условиях нестабильности и радикальных кризисных изменений занимается небольшое число ученых. К ним следует отнести С. Кобейса и С. Мадди, Э. Афонина, Л. Сохань, О. Куценко, Н. Панину, Е. Головаху, А. Мартынова, Е. Донченко, П. Подшивалкину, А. Ахизера, Д. Леонтьева, К. Муздыбаева, Л. Мирскую, Г. Задорожного, О. Колинько, Т. Крюкову, И. Шкуратову и др.

Карл-Густав Юнг как основатель теории архетипики определял архетип как нерациональное коллективное подсознательное, то есть абстрактную душу, общую для всех людей, даже если архетипы проявляют себя через индивидуальное сознание. Фактически, архетип – это зафиксированный коллективным бессознательным культурный стереотип, который влияет на поведение и историю человечества.

Архетипы становятся осью социетальных процессов. В условиях нестабильности, нарастающей социальной неопределенности и угроз поиск основ обеспечения жизнеспособности и жизнестойкости человека и общества, их способностей быть и творить свою судьбу лежит архетип Самости. Самость (от нем. Selbst – сам) – архетип, являющийся глубинным центром и выражением психологической целостности отдельного индивида. Он выступает как принцип объединения сознательной и бессознательной частей психики и одновременно с этим обеспечивает вычленение индивида из окружающего его мира [1].

Швейцарский психоаналитик и психолог К. Юнг рассматривал «Самость» как первичный образ, архетип – комплекс, существующий в коллективном бессознательном. Он отмечал, что с интеллектуальной точки зрения Самость – ни что иное, как психологическое понятие, конструкция, которая должна выражать неразличимую нами сущность, саму по себе для нас непостижимую. С таким же успехом ее можно назвать «богом в нас». Начала всей нашей душевной жизни, кажется, уму непостижимым способом зарождаются в этой точке, и все высшее, и последние цели, кажется, сходятся на ней. К. Юнг отмечал, что Самость обладает мудростью, превышающей понимание отдельным человеком себя, поскольку самость одного человека связана с самостями всех остальных человеческих (а возможно, и не только человеческих) существ [2]. Эмпирически Самость проявляется в сновидениях, мифах и сказках, являя персонажи «сверхординарной личности», такие как Король, Герой, Пророк, Спаситель и т.д., или же в форме целостного символа – круга, квадрата, креста, квадратуры круга (quadrature circuli) и т.д. Когда Самость репрезентирует complexio oppositorum (единство противоположностей), она также выступает в виде объединенной дуальности, например в форме дао как взаимодействия инь и ян или враждующих братьев, или героя и его противника (соперника = заклятого врага, дракона), Фауста и Мефистофеля и т.д. Поэтому эмпирически Самость представлена как игра света и тени, при этом постигается как целостность и союз, единство, в котором эти противоположности согласованы и соединены [3].

Именно проявление архетипических оснований Самости способно обеспечить жизнестойкость личности, предохранить ее от состояний внутреннего распада, от

тяжелых последствий социальной дезинтеграции, создавая мощную платформу для раскрытия творческих начал в человеке, внутренней устойчивости, равновесности, полноценного психического здоровья и высокой работоспособности в условиях усложнения жизни и радикальных перемен. С позиций психологии личности жизнестойкость человека относится к такому свойству, которое характеризует меру способности личности выдерживать сложные жизненные обстоятельства, противостоять стрессогенным факторам, сохраняя внутреннюю сбалансированность, при этом не снижая успешности деятельности. Д. А. Леонтьев отмечает, что психологическая устойчивость индивидуума является основой ее жизнестойкости, непосредственно определяет его жизнеспособность, психическое и соматическое здоровье [4].

Признано, что наибольший вклад в разработку теории жизнестойкости внес профессор Калифорнийского университета, создатель Института жизнестойкости в Калифорнии С. Мадди, исследуя и диагностируя жизнестойкость как стержневой потенциал личностной характеристики, лежащей в основе «мужества» быть (по Тиллаху) [5]. Она во многом ответственна за успешность личности в совладении с неблагоприятными обстоятельствами. Эта диспозиция включает в себя три сравнительно автономных компонента: вовлеченность, контроль и принятие риска.

Жизнестойкость (*hardiness*) – это выносливость, крепость, здоровье, устойчивость, смелость, отвага, неустранимость, дерзость, наглость. В большинстве теорий жизнестойкости постулируется, что жизнестойкость личности обеспечивается ее тремя главными качествами:

- способностью индивида видеть и принимать действительность такой, какова она есть;
- убежденностью человека, что жизнь имеет смысл при любых условиях и обстоятельствах;
- умением импровизировать и находить оптимальные нестандартные решения, сохранять способность смеяться в самых сложных жизненных обстоятельствах.

Разделяет приведенную интерпретацию жизнестойкости и раскрывает ее сущностную природу Л. Сохань, подчеркивая, что жизнестойкость – это интегративное социально востребованное качество личности, обеспечивающее ее адаптацию к изменяющимся условиям бытия, сохранение и воспроизводство ее личностного, физического и психического здоровья, интеллектуального, психоэмоционального, духовно-душевного, морального и энергетического потенциалов, ценностных ориентаций и избранного стиля жизни. Она рассматривает наличие жизнестойкости в личностном потенциале политика как необходимое условие успеха его деятельности, как упреждение психологического выгорания и бесславного ухода с политической арены. Потребность в формировании и проявлении жизнестойкости личности обретает особое значение в условиях социально-экономической и политической нестабильности, неустойчивости и нередко кризисного состояния в тех или иных звеньях общественной системы. Противостоять этим хаотическим процессам может лишь сильная личность, обладающая высокой жизнестойкостью [6].

Л. В. Куликов определяет три ключевых аспекта психологической устойчивости личности, которые необходимы для адаптации личности к нестабильным и опасным социальным условиям [7]:

- 1) стойкость, стабильность;
- 2) уравновешенность, соразмерность;
- 3) сопротивляемость (резистентность).

Стойкость, стабильность проявляются в преодолении трудностей как способность сохранять веру в себя, быть уверенным в себе и своих возможностях, как способность эффективной психической саморегуляции. Стабильность проявляется в сохранении способности личности функционировать, осуществлять самоуправление, развиваться и адаптироваться. Сниженная стойкость (неустойчивость) приводит к тому, что, оказавшись в ситуации риска (ситуации испытаний, ситуации потерь, си-

туації соціальної деривації), людина перемагає її з негативними наслідками для психічного і соматичного здоров'я, для особистого розвитку і для складившихся міжособистісних стосунків.

Урівноваженість – здатність зорівняти рівень напруги зі своїми внутрішніми психофізіологічними ресурсами. Рівень напруги завжди обумовлений не тільки стресорами і зовнішніми обставинами, але і їх суб'єктивною інтерпретацією, оцінкою. Урівноваженість як складова психологічної стійкості проявляється в здатності мінімізувати негативний вплив суб'єктивної складової в виникненні напруги і здатності утримувати напругу в прийнятних межах. Урівноваженість – це також здатність уникати крайностей в силу реакції на відбуваються події.

Спротивляемість – це здатність до протидії тому, що обмежує свободу поведінки і свободу вибору як в окремих рішеннях, так і в виборі образу життя в цілому. Найважливішою стороною протидії є індивідуальна і особиста задоволеність в аспекті свободи від залежності.

Таким чином, психологічна стійкість – це дуже необхідна якість особистості, яке проявляється в стійкості, урівноваженості, протидії і задоволеності і дозволяє особистості протидіяти життєвим труднощам і несприятливому впливу обставин, зберігати здоров'я і працездатність в різних випробуваннях [8].

Все це не могло не викликати потребу в переосмисленні структурних і духовно-ціннісних аспектів, свідомих і підсвідомих виборів в забезпеченні життєстійкості і життєздатності і суспільства, і людини одночасно. Нарботки вітчизняних соціологів проливають світ на рішення подібного роду завдань. В цьому контексті цікаво переосмислення методологічних нароботок вітчизняних учених, займаючихся проблемами соціальної і соціальної ідентифікації – О. Куценко [9], Є. Афоніна і А. Мартинова [10].

Автори розглядають сутність, природу, структуру і механізми формування соціальної і соціальної ідентифікації, які є стійкими основами життєстійкості суспільства. Соціально-соціальні процеси, розглядаються на рівні всього суспільства, формують соціально-соціальну ідентичність, яка розуміється як «багатомерна психосоціальна реальність» з властивою їй архітектонікою і архетипікою.

Суттєву природу стійкості сучасного суспільства можна охарактеризувати крізь призму ключових типів соціально-соціальних процесів:

- 1) виробництво того «прошлого», яке здатне «задержатися в нинішньому» (Є. Гідденс), яке вбудовано в глибинні структури свідомості людей і їх габітус і виявляється стійким до впливу з боку змінюючихся соціальних практик індивіда і суспільства;
- 2) виробництво нових соціальних практик як відповідей на локальні і глобальні виклики з боку змінюючоїся інституційної середовища суспільства;
- 3) виробництво нових соціальних практик як продуктів індивідуальної і колективної саморефлексії, зміни свідомості власної «Я-концепції».

Соціальна і соціально-соціальна ідентичності не тотожні. Соціальна ідентичність визначає належність суб'єктів до певних соціальних категорій і ідентифікується з ними [11]. Для соціокультурної «мозаїчності» Постмодерну більш властива соціально-соціальна ідентичність, яка формує свій код культури. Рішальну роль в формуванні нової соціально-соціальної ідентичності грають домінуючі культурні цінності і соціальні дії, причому небажання розкривати свої моральні норми є ознакою масової культури, домінуючої в епоху Постмодерну.

Вивчення структури соціальної ідентичності, відзначає О. Куценко, по суті, передбачає пошук відповідей на два взаємопов'язаних питання:

а) как формируется и проявляется способность индивида «узнавать» себя и «встраивать» свою «Я-концепцию» в социальное окружение;

б) как проявляется способность общества сформировать области социального притяжения индивидов, сформировать упорядоченность, устойчивость и когерентность социальных взаимодействий людей.

Приобретение социальной идентичности выступает своеобразным «местом встречи» одновременно 2-х процессов:

1) процессов утверждения «Я-концепции» индивидов во взаимодействиях с Другими;

2) процессов самоорганизации общества.

По мнению автора статьи, Самость человека можно соотнести с основаниями жизнестойкости общественного организма как проявления его интегративных свойств, направленных на укрепление его личностной целостности. Такого рода жизнестойкость определяется через согласованность следующих структурных компонентов:

1) внутреннего «Я» индивида, его собственных притязаний;

2) собственных потребностей индивида и представлений о своей социальности;

3) представлений о взаимосвязи личности со значимыми «Другими» и потребностей участвовать в общественных отношениях;

4) согласованности утверждения в «Я-концепции» человека его «Социального Я» (самоопределение образа «Я» и образов «Своих» и «Чужих»).

Индивид во взаимоотношениях с обществом и Другими – это, прежде всего, социальный актор, в той или иной мере стремящийся свободно участвовать в обществе и интерпретирующий это участие. Такое стремление не может формироваться без собственного желания и воли индивида определять свое «социальное Я» и ситуацию своего социального участия, не может формироваться вне присутствия, включения «Других». «Социальное Я» как компонент «Я-концепции» отражает качество социальности индивида и играет роль механизма связи индивидуального «Я» с социальным окружением, выступает формой его репрезентации. Согласованность, взаимосвязанность и непротиворечивость смыслов, формирующихся в сознании человека и определяющих его картину мира, его жизненные выборы, жизненные цели, стратегии и способы социальной коммуникации в условиях радикальных, критических и опасных социальных изменений являются свидетельством его движения к раскрытию собственной Самости.

«Если бы душа человека была *tabula rasa*, у него не было бы ни одного неразвившегося таланта в бессознательном. Но психологи обнаруживают „скрытые“ архетипической личности в своих пациентах. Приближение к той скрытой, в которую мы развиваемся (или достигаем) в течение всей жизни, К. Юнг называл Самостью. В каждом из нас с рождения заложен некий образец той личности, какой нам предстоит стать. Он чрезвычайно гибкий, поскольку должен подходить нам на каждом этапе развития от рождения до смерти. Этот образец ещё и специфический, он определяет каждую из наших неповторимых судеб, пролагая себе дорогу в повседневной жизни. Конкретные обстоятельства и человеческие усилия определяют символический контекст Самости, степень её „проявленности“ и полноту реализации. Люди иногда тратят всю жизнь на борьбу с собственной несчастной или, как им кажется, злой судьбой. Даже те, чья судьба считается удачной, довольны не всем» [12]. Соотносится такое понимание Самости с тезисом Р. Дж. Коллингвуда о том, что «Идея о Самости, обладающей волей, соотносима <...> с идеей о чем-то, отличном от этой Самости, но тоже наделенном волей». И далее: «Ни один человек не обладает идеей о собственной свободе, если он не обладает идеей о свободе других и социальной связи между собой и другими» [13, с. 73].

Таким образом, свобода индивида выбирать позицию по отношению к меняющимся условиям социального окружения, встраивать свою «Я-концепцию» в данное окружение через производство различий с «Другими» и утверждение чувства «мы» и

свобода формировать собственные жизненные стратегии определяет сущность «социального Я». А процесс конструирования «социального Я» становится следствием творческого акта осознания индивидом своего «Я», «Других» («своих» и «чужих») и сознания свободы.

В таком акте особую роль приобретает типизация индивидом повседневной жизни в категориях здравого смысла. Данный акт предполагает сопротивление поглощающему давлению структурных и культурных обусловленностей и обнаружение собственной силы «Я» через социальное участие.

Жизнестойкость социума во многом зависит от процессов становления, воплощения «социального Я», интеграции и консолидации «социальных Я» в системе общественных отношений, формирования значимых «Мы». Идентичность связана с внутренним (со стороны «Я») и внешним (со стороны «Других») определением сходства индивидов в их жизненных шансах, мере реализуемой свободы и притязаний на нее, сходства в стремлениях к ограждению своих шансов. Первичной формой воплощения «социального Я» как раз и становятся социальные идентичности, которые образуют «взаимопроникающие устойчивые солидарности» с другими и играют роль системообразующих оснований социального включения индивида и структурирования социального пространства. В социальных идентичностях реализуется свобода индивида выбирать позицию по отношению к меняющимся условиям социального окружения. Социальная идентичность становится продуктом различения, обозначения и типизации индивидом реалий его обыденной жизни сквозь призму «Я-концепции», а также сквозь призму тех конкретных культур и структур социального окружения, в которые индивид включен. Идентичность становится актом как преодоления структур, так и встраивания в структуры, актом творения человеком собственных типизированных образов встройки себя в социально конструируемые категории из материала той культуры, в которой индивиды живут.

Таким образом, субъективное определение самого себя в социальном пространстве и своего «социального Я» («свои» и «чужие»), где «свои», – это те, у кого жизненные ситуации и ценностные миры подобны, а также субъективное определение и описание «Других», воплощающих социальное отличие, закладывают фундаментальные основы «опривыченных» схем восприятия социального мира и конструирования социальных отношений. О. Куценко отмечает, что именно через определение «социального Я», через социальные идентификации происходит производство подобных и различных структурных и культурных контекстов социальных взаимодействий, происходит структурирование социального пространства [9]. Такие выраженные различия «Я» и «Других», граничащие с отчуждением, должны компенсироваться чем-то, что способствовало бы сохранению «Я-концепции» и взаимодействию с «Другими». В таких условиях компенсаторную функцию могли выполнить четыре фактора:

- доверие к себе и ближайшему окружению,
- развитие и укрепление устойчивых социальных «ядер» в социальных сетях,
- формирование временных норм и социальных представлений, позволяющих поддерживать «Я-концепцию» и строить взаимодействие с «Другими» в новых ситуациях,
- сохранение привычных правил и форм взаимодействия путем их «встраивания», приспособления к новым институциональным условиям.

Ценными являются идеи Э. Афонина и А. Мартынова, которые раскрывают сущность процессов социетальной идентичности сквозь призму переосмысления природы Самости современного человека [10; 16]. Авторы утверждают, что для социокультурной «мозаичности» Постмодерна более свойственна социетальная идентичность. Социетальная идентичность формирует свой код культуры. Решающую роль в формировании новой социетальной идентичности играют доминирующие культурные ценности и социальные действия, причем нежелание раскрывать свои

моральные нормы является признаком массовой культуры, доминирующей в эпоху Постмодерна.

В противоположность модусу социальной идентичности, базирующемуся на механизме отождествления себя с внешними группами и классами, новый модус ориентируется на самосознание человека, его самодостаточность, которые, собственно, и служат психологической основой «спроса» на обеспечение гражданских прав и свобод в обществе. В механизмах становления социетальной идентичности архетипы играют роль важного – связующего – компонента новой субъективной реальности.

Состояние нового модуса идентичности находится в активном становлении и еще далеко от завершения. Новый модус идентичности сосуществует со старым модусом социальной идентичности, при этом первый является определяющим. Их гармоничное состояние поддерживает код национальной культуры [18]. Именно этот компонент социетальности становится в новых общественных условиях той основой, которая обеспечивает действенность и эффективность трансформации политической системы и в целом успешный переход общества к устойчивому развитию, когда преодолевается аномия, которая в дюркгеймовском смысле слова означает состояние общества или отношение личности к обществу при отсутствии консенсуса относительно общих ценностей и общественной цели.

Психосоциальные особенности нынешней социальной ситуации связываются с утверждением динамической природы личности, общества и цивилизации, определяющей ролью в их устойчивом развитии психологического компонента и феномена социетальности как органической целостности психосоциального мира человека, общества и цивилизации. Они диктуют необходимость проведения и междисциплинарных, общесистемных исследований социальных процессов. В то же время отсутствие или недостаточность таких исследований делает практически невозможным эффективное принятие управленческих решений и достижение сбалансированной государственной политики.

Вместе с тем, думается, что стремление индивидов защитить свою «Я-концепцию», встроить ее в социальный мир и реализовать свое «социальное Я» способно находить пути разрешения конфликта идентичностей и достижения индивидом и обществом социальной определенности, что значительно повышает способность человека понимать происходящее во внешнем мире, определять себя в нем и принимать оптимальные жизненные решения, обеспечивая тем самым личностную и социальную жизнестойкость. Основную роль в этом играют механизмы спонтанной самоорганизации, а потребность в формировании и проявлении жизнестойкости в условиях современных динамичных радикальных кризисных изменений резко возрастает, как и возрастают вызовы для человека и общества, ответы на которые способны дать только жизнеспособные и жизнестойкие.

Выводы. Таким образом, тяжелые жизненные обстоятельства, общественный кризис и нестабильность являются стимулом для проявления в человеке его архетипической Самости как фундамента, который позволяет выживать, адаптироваться за счет активизации новых, незадействованных до сих пор ресурсов личности. Актуализация внутренних сил и ресурсов человека позволяет ему осознанно и целенаправленно владеть собой (быть в состоянии психологической устойчивости, самоконтроля и саморегуляции) и ситуацией, определить направленность, способы и возможные последствия своих действий. Именно архетип Самости наиболее тесно связан с феноменами жизнестойкости и мудрости. Функциональная нагрузка жизнестойкости как интегративного социально востребованного качества, обеспечивающего личностную и социальную устойчивость в условиях усиления социальной нестабильности, сводится к следующему. Жизнестойкость:

- придает силы для преодоления препятствий;
- дает возможность проявить свои лучшие человеческие качества;
- дает освобождение от оков неуверенности, комплексов и пессимизма;

- дает удовлетворение от понимания жизненных процессов;
- обеспечивает уважение к людям и жизни.
- дает толчок к развитию способностей, раскрытию скрытых потенциалов и талантов.

Самости в человеке во взаимосвязи с процессами социальной и социетальной идентичности определены на основе результатов исследований А. Файзуллаева [15, с. 104], а также исследований, проведенных Л. Сохань. Можно условно определить природу мудрости и характер ее проявлений в человеке через эмпирические показатели – своего рода «точки опоры» человека и общества в ситуациях радикальных кризисных изменений. К ним можно отнести:

- умение отличать главное от второстепенного;
- внутреннее спокойствие;
- эмоциональную зрелость и устойчивость;
- знание меры воздействия на события;
- умение подходить к проблеме с разных точек зрения;
- готовность к любым неожиданным событиям;
- восприятие действительности такой, какая она есть;
- стремление к выходу за рамки проблемной ситуации;
- наблюдательность;
- дальновидность;
- стремление понять других;
- умение извлекать позитивный опыт из всего происходящего.

Жизнестойкость и мудрость – качества личности, которые человек не может потерять или утратить, они уникальны тем, что накапливаются в виде бесценного опыта Быть и Жить, несмотря ни на что; именно они позволяют мыслить разумно, обоснованно и стратегически, избирать оптимальные, соответствующие ценностям нормативам ориентиры жизнедеятельности. С их помощью человек вырабатывает соответствующую стратегию своего поведения и жизнедеятельности с учетом конкретных обстоятельств. При этом он применяет в своей практике различные техники:

- продуктивно использует конкретные обстоятельства для решения стоящих перед ним проблем;
- вносит те или иные изменения в обстоятельства своей деятельности, если они не способствуют решению стоящих перед ним задач;
- если это невозможно, он корректирует стратегию своей жизни, свои притязания и приоритеты.

Общественный кризис и нестабильность, радикальные изменения в жизни человека и общества и требуют источников повышения уровня зрелости личности, и становятся такими источниками, активизируя архетипические принципы Самости (через включение подсознательных механизмов) для осознанного выбора и реализации человеком определенных жизненных стратегий на основе сценариев, в которых с той или иной степенью полноты могут открыться скрытые резервы и ранее не используемые ресурсы. Наличие таких сценариев обеспечивает устойчивые основания, упорядочивает жизненный процесс личности, целенаправленно расходует ее жизненную энергию, обеспечивает ресурсами, необходимыми для преодоления препятствий, инициирует мужественные отношения к трудностям и возможным неудачам, что приводит к раскрытию творческого потенциала личности.

Литература:

1. Самость – определение понятия [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%E0%EC%EE%F1%F2%FC>.
2. Юнг К.-Г. Душа и миф: шесть архетипов / К.-Г. Юнг ; пер. с англ. – К. : Port Royal, 1996. – 384 с.
3. Юнг Карл. Психологические типы / К.-Г. Юнг. – СПб : Ювента ; М. : Прогресс-

Универс, 1995. – С. 553–554.

4. Леонтьев Д. А. Тест жизнестойкости / Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова. – М. : Смысл, 2006. – 63 с.

5. Maddi S. PVSIII-R: Test development and internet instruction manual / S. Maddi, D. Khoshaba. – Newport Beach (CA) : The Hardiness Institute, 2001.

6. Сохань Л. Архетип мудреца в личностной жизнестойкости политика / Л. А. Сохань // Публичное управление: теория и практика : сборник научных трудов Ассоциации докторов государственного управления. – Харьков : ДокНаукДержУпр, 2012. – Специальный выпуск. – С. 149–155

7. Куликов Л. В. Психогигиена личности: Основные понятия и проблемы / Л. В. Куликов. – СПб : Изд-во СПбГУ, 2000. – С. 10–29.

8. Куликов Л. В. Здоровье и субъективное благополучие личности / Л. В. Куликов // Психология здоровья / ред. Г. С. Никифоров. – СПб : Изд-во СПбГУ, 2000. – С. 405–442

9. Куценко О. Д. Социальная идентификация в постсоветской Украине: формирование новой социальности? [Электронный ресурс] / О. Д. Куценко. – Режим доступа : <http://www.sociology.kharkov.ua/docs/chtenia/2002.pdf>.

10. Афонин Э. Архетип и социальное: взаимодействие и взаимовлияние [Электронный ресурс] / Э. Афонин, А. Мартынов. – Режим доступа : http://arhetip.esy.es/pr_5/2013_R/2013_R_25.htm.

11. Большой толковый социологический словарь : Т. 1. – М., 2001. – С. 228.

12. Мирская Л. А. Карл Густав Юнг / Л. А. Мирская. – М. ; Ростов-на-Дону : Март, 2006. – С. 55.

13. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография / Р. Дж. Коллингвуд ; пер. Ю. А. Асеева. – М., 1980. – С. 5–320.

14. Фромм Э. Что такое Дзен? Паломничество в страну Востока / Э. Фромм, К.-Г. Юнг // Психоанализ и дзен-буддизм. – К., 1994. – С. 18.

15. Файзуллаев А. А. Мотивационная саморегуляция личности / А. А. Файзуллаев. – Ташкент : ФАН, 1987. – 134 с.

16. Афонін Е. Психокультура України: «помаранчевий перехід» / Е. Афонін, О. Донченко, В. Антоненко // Соціальна психологія. – 2006. – № 4. – С. 80.